

© 2002 г.

С.Ю. БАРСУКОВА

СОЛИДАРНОСТЬ УЧАСТНИКОВ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИЙ МИГРАНТОВ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Государственного университета - Высшая школа экономики.

Неформальная экономика - неотъемлемый элемент российской действительности. С этим соглашаются практически все. Так же как и с мыслью, что ее изучение - задача не простая, но актуальная. Споры начинаются, когда дело доходит до реального исследования. Приземленная "экономичность" темы зачастую воспринимается как аргумент для добровольного отказа от широкого спектра аналитических схем и категорий, освоенных социологией. Благоговейный трепет перед завоеваниями "чистой социологии" ведет к искусственной зауженности исследовательских подходов при анализе экономических проблем. *Солидарность* в ряду таких невостребованных теоретических понятий. Раскрытие взаимосвязей, характеризующих неформальную экономику в контексте солидаристских отношений, могло бы дать новое понимание особенностей развития этого сектора.

Групповая солидарность: сущность, условия формирования

Понятие солидарности все чаще используется обществоведами различных направлений. Причины этого довольно ясны: множественность разрывов социальной ткани обусловила поиск основ ее регенерации. Впечатляет многообразие солидарных проявлений в системе общественных действий - от эмоциональной взаимной поддержки смирившихся до протестной активности борющихся.

Прежде всего, ответим на ряд вопросов о природе этого феномена. В каких условиях возникает групповая солидарность? Чем определяется солидаристский потенциал группы? Каковы материальные и нематериальные факторы формирования солидарности? Ответы на эти вопросы задают методологические рамки изучения солидаристской практики, наблюдающейся в неформальной экономике.

Бесспорна связь между солидарностью и социальной идентичностью как самоотождествлением личности с некой общностью. Индивид, "затерянный" в сложной структуре социальных диспозиций, испытывает затруднения в определении мира "своих"¹. Без осознания своей принадлежности к четко очерченной группе (в представлении индивида, а не институциональной конвенции общества) нет ни апелляции к

¹ В основе статьи - выступление автора на III Харчевских чтениях в журнале "Социологические исследования" в 2001 г.

ресурсу солидарности, ни желания к солидаристским действиям. Убежденность в "себеподобии" тех, кто объединен понятием "мы", представляет собой основу любой солидаристской практики. Разумеется, из этого не следует, что понятия "идентичность" и "солидарность" тождественны. Вне идентичности солидарность не возникает, но сама по себе идентичность не является гарантией солидарности входящих в идентификационную группу. Идентичность - процесс выделения себя из среды *других, иных, чужих, многих*, а вовсе необязательно участников конфликтных отношений. Солидарность же базируется на дуализме "мы" и "они", рассматриваемых во взаимном конфликте. Или, как писал З. Бауман: "Две противоположные группы размещаются на моей мысленной карте мира на разных полюсах антагонистических отношений; этот *антагонизм* делает обе группы "реальными" для меня, а также удостоверяет их внутреннюю согласованность, которую я у них предполагаю" [2, с. 47].

Шансы возникновения внутригрупповой солидарности резко возрастают в ситуации реальных или потенциальных *неблагоприятных обстоятельств*, в которых оказалась или может оказаться группа. Оговорка про потенциальное ухудшение весьма важна: группа может консолидироваться уже на основе *угрозы* своему благополучию, а не только ее исполнения. Если действия социального окружения, какую бы природу они ни имели (социальную, политическую, экономическую), оцениваются в терминах возможного или реального ухудшения группового положения, то возникающее ситуативное родство создает возможность солидаристского поведения².

Между тем ущербное положение или угроза благополучию социальных групп не означает автоматическую солидарность их членов. Важно *осознание общих оснований* своих подлинных или мнимых несчастий. Оно возникает между людьми, чьи несчастья имеют единую природу, точнее, осмысливаются ими как таковые. Придание социальному дискомфорту статуса социальной проблемы предстает результатом определенного направления общественного дискурса. Сам факт артикуляции проблемы не мыслим без публичных деклараций ее причин и способов разрешения.

Претензии к общественному устройству открывают дорогу *поиску "виновных"*, что обретает решающее значение в формировании солидаристских установок. "Призыв сомкнуть ряды всегда является призывом ополчиться на врага" [там же, с. 52]. Иными словами, для возникновения солидарности недостаточно наличия социально успешных и социально ущербных. Ключевую роль играет представление, что между успехом этих и несчастьем тех существует причинно-следственная связь: одним плохо именно потому, что другим хорошо. Возложение вины ведет к размежеванию социума на "мы" и "они", порождает эффект групповых согласия и единства как средства защиты "нас" от "них". Но поскольку сообщество "нас" оказывается скорее воображаемым, не скрепленным личными контактами и эмоциональной привязанностью, то необходим "корпус активистов" (терминология З. Баумана), навязывающих реальности образ единого, слаженного и гармоничного образования единомышленников³.

Таким образом, групповая солидарность возникает из стечения четырех моментов:

- 1) жизненные обстоятельства, присущие группе, осознаются как неблагоприятные;
- 2) характер несчастий объявляется универсальным для нее;
- 3) находятся "виновные" в создавшемся тягостном положении;
- 4) ситуация облекается определенной риторикой, получает публичную интерпретацию, приобретает устойчивую дискурсную форму.

Словом, групповая солидарность *вырастает не из механической суммы индивидуальных несчастий, а зарождается на базе группового социального неблагополучия, интерпретация которого подчеркивает единую природу трудностей, питаемых действиями "враждебного" окружения.*

Важно подчеркнуть, что солидарности как виду социального капитала не обязательны личные контакты между его обладателями. Солидаристская поддержка основана на принципиальной готовности помочь людям, чье положение знакомо по собственному опыту. При этом ответная реакция ожидается не от конкретного субъекта, а от группы как таковой, не как отклик на оказанную услугу в рамках системы

взаимных расчетов, а как проявление морального императива. *Солидарность* - особый тип социального взаимодействия, при котором моральное должностное переведит ресурс идентичности в плоскость реальной деятельности, выдвигая на первый план надличностные предпочтения: помощь оказывается по принципу "единства социальной крови", когда плохой "свой" предпочтительнее хорошего "чужого". И в данном смысле солидарность противостоит *сотрудничеству*, как калькулируемому балансу противоречивых интересов⁴. Эту идею можно свести к формуле: ценности, исповедуемые группой, защищаются даже вопреки индивидуальным интересам ее членов⁵.

История XX века содержит массу тому примеров, самый яркий из которых - классовая солидарность. Впрочем, не только классовые, но и гендерные, поколенческие, профессиональные, этнические, религиозные размежевания общества способны высечь искру солидарности. Размежевание на "мы" и "они" - будь то мужчины и женщины, старики-консерваторы и молодежь-прогрессисты, христиане и язычники, пролетарии и буржуа, коренное население и "пришлые" - это не просто вычленение себя из совокупности *других* как основа любой социальной ориентировки. Похоже, это способ объяснения *неудовлетворенности своих интересов через реализованность интересов социальных контрсубъектов*.

На наш взгляд, солидарность как социальный капитал правомерно обсуждать в следующих ипостасях: *феномен сознания*, что предполагает анализ дискурсных фреймов, посредством которых социальная практика переводится в плоскость ментальных образов; *источник социального действия*, направленного на трансформацию институциональных возможностей, выражающих групповые интересы; *индикатор субъектности группы*, показывающий степень ее сплоченности и решимости к самопрезентации своих потребностей. Несомненно, все эти формы взаимообусловлены. Осознание единства общественных координат протекает в тесной связи со становлением группы как действующего субъекта, способного рефлексировать свои интересы и предпринимать усилия для их воплощения, используя существующие или создавая новые институциональные возможности.

Современная Россия пронизана невидимыми дугами солидарности. Автор не претендует на создание исчерпывающей картины солидаристской активности. Его интересует солидарность в *неформальной экономике*. Статья затрагивает солидарные проявления в среде мигрантов и предпринимателей. Этот выбор определен тремя обстоятельствами. Во-первых, мигранты и предприниматели составляют значительную долю "человеческого ресурса" неформальной экономики. Во-вторых, обыденное сознание очень часто приписывает им (оправданно или не вполне) солидаристские действия. В-третьих, солидарность этих групп принципиально различается по условиям становления и формам выражения.

Солидарность мигрантов: миф или реальность?

В научной литературе мигрантская тема прочно связана с темой этнического предпринимательства и этнической адаптации. Стандартным спутником таких сюжетов становятся коллизии солидарности. Мотив выживания неизменно слышен в рассуждениях мигрантов о земляках, которые могут ссудить кредитами, взять на работу, помочь с обустройством. Речь идет о постепенном включении приезжих в предпринимательскую нишу землячества, в этническую неформальную экономику. Многократно зафиксирована связь между миграционными притоками и уровнем ее состояния. Безусловно, и вне их неформальная экономика способна успешно развиваться, но в обстановке миграционного бума, как свидетельствует мировой опыт, она получает дополнительные импульсы к развитию [6].

Эта ситуация со всей отчетливостью проявилась сегодня в нашей стране. В 2000 г. в ходе опроса, проведенного в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Краснодаре⁶ выяснилось, что около 1/3 респондентов располагают нелегальными доходами, а

для каждого четвертого мигранта эти доходы являются единственным заработком. Подавляющее большинство таких заработков осуществляется индивидуально (перепродажа купленных на оптовых рынках товаров, бесконтрактный найм, одноразовые или временные подработки). 17% мигрантских семей живут исключительно на доход от нерегистрируемой индивидуальной занятости. Тут явно сказываются психологические выводы, которые сделали мигранты на новом месте жительства: "надеяться прежде всего на себя" (78%), "использовать любые шансы, предоставляемые жизнью" (55%). Очевидна погруженность мигрантов в российскую неформальную экономику как на деятельностном, так и на психологическом уровнях. Но означает ли это солидарность в их рядах? Кто оказывает содействие - мигрантские сообщества или обустроенные "местные"? Что лежит в основе - моральное должествование помощи себе подобным, родственная взаимоподдержка или взаимовыгодный обмен услугами? Принципиальные вопросы, поскольку не всякую поддержку можно считать проявлением групповой солидарности.

Многочисленные этнографические исследования показывают, что солидарность не всегда сопутствует миграционной активности. В одних условиях мигранты "растворяются" в местном населении, не обременяя себя ответственностью за судьбы земляков, в других - строят стратегию выживания на взаимной поддержке и компактном проживании⁷. Попробуем систематизировать факторы, обуславливающие мигрантскую солидаризацию.

Прежде всего, это дискриминация на рынке труда, конфронтация с местными жителями, ущемление политических прав и прочие атрибуты *принижения и угнетения*. Конечно, все эти приметы легко различимы на российских просторах. Чего стоит хотя бы одиозный институт прописки, буквально "вытесняющий" мигрантов в неправовое пространство, где нарушение трудовых прав, пожалуй норма, нежели досадное недоразумение.

Помимо неприятия принимающей стороной, важную роль играет степень *культурной и лингвистической дистанции* между мигрантами и аборигенами. Если мигранты способны "раствориться" в местной среде, то шансы возникновения в их рядах групповой солидарности значительно снижаются. Впрочем, не будем забывать, что лингвистические и культурные вариации среди старожилов расцениваются ими в терминах "многообразия" реальной действительности, тогда как различия с "пришлыми" - в духе "чуждости" и "инакости", отчего совместная жизнь делается дискомфортной.

Разделяющая культурная дистанция (и при отсутствии лингвистических трудностей) фиксируется у нас все отчетливее. Даже по отношению к приезжающим русским как рефрен звучат фразы: "русские узбеки", "онемеченные русские", "казахстанские русские". К тому же, в обыденном сознании оставляют след отличительные особенности трудовой этики мигрантов. Например, у приехавших из среднеазиатских и закавказских республик более лояльное отношение к "торгашеству", им свойственны иные гендерные стереотипы "мужских" и "женских" видов деятельности. Это вызывает дополнительное раздражение иначе ориентированной среды. Особенно этот конфликт заметен в деревне: урожайность делянок, обрабатываемых иммигрантами, раздражает тех, кто долгие годы попросту считал, что "земля не родит".

Не меньшую весомость солидаристскому потенциалу создает *возможность возвращения домой*. Если социально-экономические и политические условия на родине позволяют рассчитывать на возвращение, то мигранты при достижении критической массы адаптационных сложностей, понятно, готовы выбрать соответствующую стратегию. В современной России надежду возвратиться сохраняют либо неисправимые оптимисты, либо радикальные утописты. По преимуществу люди понимают невозможность этого. Не в счет участники маятниковой миграции, жизнь которых построена на движении "туда-сюда" и вряд ли адекватно выражается словом "возвращение". Это подрабатывающие на российских просторах украинцы, таджики, молдаване, решающие проблемы внутренних экономик за счет трудовой миграции.

Потенциальные "возвращенцы" представлены, как правило, чеченцами, ожидающими окончания военных действий. Но основную часть миграционного потока составляют те, кому дорога назад пока заказана.

Во многом мигрантскую солидарность определяют *национальные и культурные традиции*, привнесенные с родных мест. Она может проявляться как сознательное их акцентирование в чуждом окружении⁹. Когда же национально-культурное своеобразие недостаточно выражено, плохо осознаваемо, то компенсаторную функцию выполняют *стереотипы восприятия* мигрантов, которые демонстрирует принимающая сторона. Иначе говоря, конфронтация с местным населением не только усиливает, но и порождает чувство национальной идентичности¹⁰. Весьма болезненное отношение россиян к "нашествию" инородцев способно углубить рефлексию своей самобытности представителями даже тех народностей, которые "в состоянии покоя" ее не осознавали.

Мигранты, не имеющие опоры в национальных традициях, чрезвычайно сильно зависят от того, что "местные думают о нас", т.е. выводят свою национальную идентичность через "считывание" стереотипов принимающей стороны". В таком случае национальная идентичность не транслируется, а формируется заново, впитывая стереотипы того окружения, в которое погружены ее носители. Российская среда представляет собой плотный сгусток представлений и суждений о той или иной национальности. Имеется в виду сложная система мифотворчества, посвященного национальным особенностям. Восприятие национальностей россиянами четко маркировано оценочными компонентами. Это создает культурное поле для конструирования национальной идентичности мигрантов посредством либо *подтверждения* бытующих стереотипных воззрений, либо *опротестовывания* их, либо (коль неустойчивы собственные самооценки) *подпадания под их влияние*. Как бы то ни было, наличие культурной *предвзятости* оппонирующей стороны - важный фактор становления национальной идентичности и солидарности.

Наконец, немаловажно *сравнение социально-экономических укладов* покинутой родины и нынешней территории обитания, принципиальная схожесть которых нейтрализует эффект чужбины, тогда как обратная ситуация усиливает его¹². Приезд в Россию зачастую как раз и означал резкую смену мигрантами жизненного уклада (переселение горожанина в деревню, жителя маленького городка - в столицу), львиная доля которых (58%) ориентировалась не столько на экономическую ситуацию в регионе или на возможность найти работу, сколько на местонахождение родных и друзей, что, увы, ослабляет и без того невысокую действенность миграционной государственной службы.

Перечисленные наиболее значимые условия зарождения и утверждения групповой солидарности будто бы позволяют констатировать благоприятную атмосферу для ее развития у российских мигрантов. Они зажаты системой бюрократических дознаний, их культурологическая (нередко и лингвистическая) специфика определенно выражена (т.е. способна раздражать своей "инакостью"), шансы и планы на возвращение на родину по существу отсутствуют, а бытующие стереотипы принимающей стороны дают богатые возможности для выстраивания национальных идентичностей. По всем законам жанра российские мигранты должны являть собой чудеса солидаризации. Их выживание, а оно "уходит" корнями в неформальную экономику, в качестве базового элемента предполагает потенциал солидаристских действий.

Однако вопреки ожиданиям, согласно данным указанного нами исследования, солидарность в мигрантском сообществе представлена крайне слабо. Опора на коллективные действия не ощущается: лишь 3% мигрантов состоят в общественных объединениях или партиях (тогда как на прежнем месте жительства таких было 9%), менее 2% участвуют в собраниях или митингах. Главным ресурсом адаптации служит вспоможение сородичей и близких из числа местных жителей. Так, от родственников помощь деньгами получают 41%, вещами и продуктами - 35%, в домашнем

труде - 23%, информационную и моральную поддержку - 60%. Это несопоставимо с помощью, предоставляемой общественными организациями (86% не получили ее от них вовсе), которые, собственно, и призваны олицетворять самоинициативную поддержку мигрантского сообщества социальному подобию на безвозвратной основе.

Собранные данные и полевые наблюдения раскрывают причины, если и не блокирующие, то, по крайней мере, сильно тормозящие проявление солидарности в российской мигрантской среде.

Во-первых, оказалась не востребованной практика *компактного проживания* мигрантов. Они "распылены" в пространстве. Исключение составляют редкие случаи мигрантских поселений, где налажены довольно замкнутые производственные циклы и царит особая атмосфера сосредоточения похожих судеб [13]. Обычно же мигранты приезжают к родственникам или друзьям с намерением хотя бы частично задействовать уже существующие социальные сети, а не создавать новые внутри мигрантской диаспоры. В условиях рассеянного проживания их жизненный ареал (и как территория, и как дискурс) сужается до размеров семейно-бытовой сферы, практически не обнаруживая себя во внесемейных социальных отношениях¹³.

Во-вторых, российским иммигрантам приходится вуалировать свое положение. Интуитивно они чувствуют пагубность отождествления себя в глазах окружающих с экономической неуспешностью и правовой ущербностью¹⁴. Да, солидарность основана на единении. Но бытует и более жесткое суждение: солидарность суть способ *закрепления и опубличивания идентичности*. Соответственно, нежелание придавать огласке факт принадлежности к маргинальному слою - одна из причин слабости мигрантских солидаристских установок.

В-третьих, крайняя истощенность мигрантов не оставляет сил (и прежде всего духовных) на верность идеалам, создающим базу солидарности. Мы подчеркивали, что солидарность зиждется на моральном императиве, который восходит к вере в возможность изменить мир к лучшему¹⁵. Если надежды перестроить ситуацию утрачены, то самыми распространенными и рациональными формами поведения в критических обстоятельствах становятся обращение к родственной материальной участливости или реципрокный взаимобмен услугами в пределах поддерживающих социальных сетей¹⁶.

Солидарность предпринимателей: парадоксы становления

Про перспективы российских предпринимателей применительно к возможному росту солидарности в их рядах говорится достаточно много. Ожидается, что, используя этот ресурс, они начнут эффективнее отстаивать свои групповые интересы, конвертируя экономические силы в политику, и сформируются как коллективный субъект социального действия. Но подобные прогнозы не сбываются. Политические пристрастия до сих пор аморфны, а членство в предпринимательских союзах ничтожно. Предприниматели, не выходящие на уровень олигархического капитала, в большинстве своем политически индифферентны. Неоднократные попытки создания партий представителей малого бизнеса закончились образованием лишь формальных организаций, не замеченных в реальных акциях. Электоральные же предпочтения в пользу партий либерального и демократического толка скорее демонстрируют образованность, чем заявляют о специфических групповых интересах. Что касается деловых ассоциаций и объединений, то сюда входят только 15-20% предпринимателей, всего 1/3 из которых полагает, что это имеет какой-то смысл [17, с. 57].

Сам характер партнерских отношений между предпринимателями ставит под сомнение их солидарность. Статистика отнюдь не обнадеживает: с партнерской необязательностью и нечестностью предприниматели сталкиваются чаще, чем с силовым давлением или чиновничьим вымогательством¹⁷. Так, никогда не подвергались рэкету 22% предпринимателей, вымогательству чиновников - 14%, а вот от необязательности партнеров убереглись лишь 9%. Выходит, что потери "изнутри" превосходят урон,

наносимый "извне". Это факты. Зачастую они служат поводом для ностальгии по нерушимому купеческому слову. Мы не склонны следовать этому настроению. Конструктивнее представляется разговор о специфике и трудностях внутригрупповой солидаризации при тотальном погружении бизнеса в океан неформальных практик.

Выше были определены условия, создающие возможность солидарности как таковой: неблагоприятное состояние институциональной среды, групповое неблагополучие, персонификация образа "врага", устойчивые интерпретации истоков проблем. Опишем в этих координатах положение современного отечественного предпринимательства.

Общеизвестно, что социальная почва, уготованная бизнесу в России, рассматривается как неудовлетворительная. Это обстоятельство создает комфортную среду для возникновения чувства солидарности на фундаменте синдрома "общих несчастий". Действительно, повсеместно звучат сетования на грабительские налоги, неопределенность приоритетов инвестиционной политики, невнятность хозяйственного законодательства, неэффективность и бюрократизованность государственного контроля за малым и средним бизнесом. Наименее подверженные пессимистичному взгляду на предпринимательскую явь осторожно замечают, что не все столь трагично: законы плохи, но их не исполняют; налоги высоки, но их не платят; инструкции сложны, но есть отработанные способы их обхода. Однако такие суждения не очень распространены. Реалии предпринимательских будней стали мифологемой национального масштаба.

Солидарность как феномен сознания строится в первую очередь на *трактовке и интерпретации* событий и не всегда на беспристрастной констатации фактов. Проблемы предпринимательства тиражированы масс-медиа и существуют как самостоятельный блок общественного дискурса социально-экономического толка. Те предприниматели, которые избежали проблем, приписанных (и предписанных) общественным мнением бизнесу, испытывают чувство неловкости, не ощутив тяжкого бремени, разделяемого братьями по цеху. А между тем доля таких "беспроblemных" предпринимателей довольно велика: 29-38% (в зависимости от времени предпринимательского старта). В интервью, взятых у респондентов, не столкнувшихся с ожидаемыми титаническими трудностями, настойчиво звучит извинительная оговорка, мол "мое положение, наверно, не типично". Установка на тотальное неблагополучие априорна, предшествует рефлексии собственной бизнес-практики. Количество считающих, что случаи рзкета и коррупции часты или очень часты, в среднем в два раза (!) превышает число тех, кто сталкивался с этими явлениями на собственном опыте. Эти обстоятельства допустимо расценивать как благоприятный фон формирования групповой солидарности, поскольку перед лицом беды неизбежно сплочение как поиск "своих", на которых можно опереться.

Не случайно по ходу бесед интервьюируемые детально и откровенно рассказывая о нарушении налогового и хозяйственного законодательств, делясь подробностями о взаимоотношениях с силовыми партнерами (рзкетом) и коррумпированными чиновниками, в ответах на вопрос о партнерской необязательности и нечестности, как правило, были крайне односложны и уклончивы. Продвинуться далее признаний типа "была история", "случалось" почти никогда не удавалось. Причина этого кроется вовсе не в недоверии к интервьюеру. Дело, похоже, в том, что сознание предпринимателя формируется как ментальная оппозиция к власти, демаркация с которой непреодолима. Поэтому с его морально-этической точки зрения приемлем рассказ о нарушении законодательства, *ими* придуманного, о способах *их* подкупа, о фальсификации сообщаемых *им* сведений. Но совсем другое дело, что происходит среди *нас*. Сведения такого рода не подлежат разглашению, ибо они табуированы нормами, диктуемыми зарождающейся солидарностью. Кстати, не в этом ли одно из объяснений редких апелляций предпринимателей в арбитраж с исками друг на друга? В ситуации невозвращения долга только 24% опрошенных намерены обратиться в арбитраж (для сравнения - попытаются убедить, уговорить должника 54%), а на практике таких оказывается еще меньше. Вообще, привлечение государственной структуры для

решения своих проблем воспринимается корпоративным сообществом как дурной тон в бизнесе, нарушение неписаных правил, подрывающее партнерские отношения. Особая институциональная среда бизнеса формирует предпосылки предпринимательской солидарности. Частокл проблем на пути бизнеса способствует оформлению понятия "они" как генератора этих проблем и понятия "мы" как ресурса их преодоления.

И тут начинается самое интересное. Выход из тупика тотальной проблемности российские бизнесмены находят в симбиозе властных и предпринимательских структур, в неформальных связях их представителей. Заметим, что сводится это не к хаотическим и банальным взяткам, а народжению устойчивой системы сотрудничества, где каждая из сторон решает проблемы другой, оперируя имеющимися у нее специфическими ресурсами. Предприниматели как обладатели финансовых средств решают материальные проблемы чиновников, а те, наделенные властными полномочиями, используют последние во благо бизнеса. В ситуации, когда представители власти одновременно и продуцируют проблему, и способствуют ее преодолению, нет и не может быть четкой демаркационной линии между "нами" и "ими". Да и сам процесс социального картографирования крайне затруднен: абстрактная власть принимает неудобный закон, но конкретный чиновник как персонификатор этой власти помогает его обойти. Государственные органы излучают угрозу, которую отдельные должностные лица сводят на нет. Размытость границ и неоднозначность ситуаций не позволяет так определенно, как в случае с мигрантами, отделить "своих" от "чужих".

Но этим дело не исчерпывается. Ранее, раскрывая условия, в которых закладывается групповая солидарность, мы указывали на поиск "виновных" как важный элемент мировоззрения солидаризирующейся группы. В случае с мигрантами их спектр широк, однако всегда возможна редукция до определения "местных". Местные законодатели, местные работодатели, местные обыватели виновны в том, что "пришлым" плохо, потому что интересы "местных" оберегаются и реализуются в ущерб интересам мигрантов. Виновные осязаемы, наблюдаемы, на них и возлагается вина за создавшееся положение. С предпринимателями же все не столь однозначно. Разве предприниматель винит чиновника? Он винит власть как некую субстанцию. *Чиновник же одновременно и представитель власти, и соучастник в борьбе с нею.* Неспроста, по оценкам предпринимателей, каждая третья взятка инициируется в равной мере обеими сторонами (в меньшинстве остаются те, кто видит причину неофициальных вознаграждений чиновников в грубом вымогательстве). Взятка - это скорее инициация обоюдывыгодного диалога, чем уступка давлению чиновника. Власть как абстракция виновна в распространении коррупции, но конкретный чиновник, берущий взятку, выступает союзником предпринимателя по игнорированию санкционированных властью норм. В этом смысле групповые социальные претензии, являющиеся базой солидарности, выводятся за пределы отношений предпринимателя и власти.

Не менее любопытны отношения предпринимателей с наемными работниками. Именно работники в политэкономическом аспекте предстают антагонистическими оппонентами работодателей. Но даже самые поверхностные наблюдения за развитием теневой экономики убеждают в излишней упрощенности такого заключения. Корпоративный альянс теневых практик предпринимателей и работников давно стал общепризнанным. Диверсии против официальных экономических установлений (контрактные нормы, трудовое и налоговое законодательство, статистическая отчетность) происходят на стыке интересов всех участников производственного процесса, включая наемную силу. Это делает невозможной одномерную поляризацию субъектов хозяйственной деятельности в континууме антагонизма их интересов. Теневой альянс предпринимателя и работника оборачивается скрытой кооперацией усилий по расширению степеней свободы в экономике. Хотя, правды ради, отметим, что разные формы теневого рынка труда и разные контингенты работников демонстрируют различную меру добровольности подобного "творчества".

Итак, позиции, занимаемые участниками неформальной экономики, можно тракто-

вать как пригодные к сотрудничеству по смягчению неблагоприятной институциональной среды. Предприниматель сотрудничает с чиновником, с одной стороны, и с наемным работником, с другой, обходя предписанные государством формальные правила экономического поведения. Но вместе с тем такая ситуация снижает актуальность борьбы предпринимателей за кардинальный пересмотр институциональных рамок бизнеса. Главный ресурс этой борьбы - солидарность становится функционально не востребуемой, и она как самоидентификация субъекта в системе *конфликтных интересов* формального экономического пространства подменяется альянсовым *сотрудничеством* в системе *пересекающихся интересов* участников теневой экономики. Неоднозначность персонификации вины, сложность в возложении ответственности на конкретных акторов, трудность в распознавании "своих" и "чужих" серьезно препятствуют солидаризации предпринимательских рядов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 По данным Фонда "Общественное мнение" (1500 респондентов), 22% опрошенных не смогли или не захотели продолжить предложение "Такие же люди, как я, это...", с помощью которого изучалась "самотипизация" респондентов, что справедливо трактуется как кризис идентичности [1. е. 53].
- 2 Например, лозунги, призывавшие пролетариат объединиться, апеллировали к его нищете, бесправию, т.е. делали акцент на трагичности сложившегося положения. Контрсубъект - буржуазия - была олицетворением благополучия. Естественно, борьба рабочего класса, нацеленная на передел отношений собственности и власти, создав потенциальную угрозу для буржуа, сформировала условия для солидаризации в их среде.
- 3 "Такое навязывание... для того чтобы быть эффективным, нуждается в постоянном, дисциплинированном и обеспеченном ресурсами корпусе активистов (своего рода профессиональных ораторов для сообщества), чья деятельность облекает плотно воображаемое единство интересов и верований" [там же, с. 52].
- 4 Надо оговориться, что существуют более широкие трактовки солидарности, вмещающие в себя все виды действий, где стремления сторон совпадают [3. с. 23]. Тогда взаимопомощь, сотрудничество, кооперация и т.п. выступают ее частными случаями [4, с. 238]. Мы же считаем, что солидарность есть особый случай социального взаимодействия, природа которого лежит в моральном должествовании помощи "своим", а не в ситуативном сотрудничестве "своих" и "чужих".
- 5 Как заметил Ю. Хабермас, "мир институционально упорядоченных отношений *морализуется*". В результате, "*вопросы морали...* в аспекте обобщаемости интересов... отделяются теперь от *вопросов оценки...* в горизонте индивидуального образа жизни" [5, с. 168, 171].
- 6 Здесь и далее в обсуждении проблем мигрантов использованы данные проекта "Совладение в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андеркласса" при поддержке Института "Открытое общество" (проект № 153/1998, рук. В. Радаев, участники Л. Демин, Е. Балабанова, О. Кузина, Л. Перова, М. Бурлицкая). В ходе исследования собраны 271 анкета и 31 интервью, предложенные вынужденным мигрантам, проживающим в названных городах не более года. Возрастной состав: до 30 лет - 26%, 31-45 - 36%, 46-60 лет - 23%, старше 60 лет - 15%. Мужчины - 45%. женщины - 55%. По роду занятий респонденты являлись: наемными работниками (35%), безработными (34%), пенсионерами (15%), занимались индивидуальной трудовой деятельностью (7%), имели эпизодическую занятость (9%).
- 7 Классической иллюстрацией последнего варианта служат широко известные Китайские кварталы (Chinatowns), созданные в начале века китайцами, дискриминация которых в США была неприкрытой и неограниченной. Спустя годы эти районы стали очагами быстро растущей самозанятости и этнического предпринимательства с опорой на групповую этническую солидарность [7].
- 8 Как отмечал Н. Элиас в своей теории признанных и посторонних, приток мигрантов всегда представляет угрозу коренному населению ввиду необходимости потесниться, что приводит к *преувеличению* различий между ними [8]. Самые незначительные несходства утрируются и расцениваются как непреодолимые препятствия для совместного проживания.
- 9 К примеру, никарагуанские иммигранты в Майами возродили фольклорные мотивы в одежде, чтобы обозначить границы своего мира. Что примечательно, национальную одежду стали носить те, кто у себя на родине предпочитал американский или европейский стили [9, с. 1330-1331].
- 10 Примером тому служит история крестьян Сицилии, прибывших в США в начале века. На родине их мир был ограничен пределами деревни, но, оказавшись в Америке, они начали осознавать себя итальянцами: из представителей территориально-поселенческой единицы они превратились в представителей нации. Это было реакцией на отношение к ним местных жителей, обособлявших их от них как от "итальянцев"

- [10]. Подвижка самоосознания привела к изменению поведения, в канву которого стали вплетаться солидарность и взаимовыручка, причем не между выходцами из одной деревни, а внутри итальянской общины как таковой.
- 11 Типичный пример - польские крестьяне, прибывшие в начале минувшего века в Америку и осознавшие себя поляками на чужбине, так как в Польше таковыми было принято считать земельных помещиков, а крестьян - просто крестьянами [11].
- 12 Скажем, тем же польским крестьянам в Америке пришлось вписываться в индустриальный темп американских городов, что вызвало чувство своей чужеродности не только как представителей иной национальности, но и как приверженцев иного стиля жизни [12].
- 13 Сходный вывод делает А. Качкин, изучавший этническую мобилизацию на Среднем Поволжье [14].
- 14 Впрочем, отношение к вынужденным мигрантам заметно варьирует в зависимости от идеологической ориентации, будь то либеральные, консервативные или социалистические установки [15].
- 15 Именно в этом видится отличие социальных движений от бунта. "Социальные движения всегда сочетают раны страданий с целительными идеалами. Без идеалов, мечтаний и надежд нет социальных движений" [16, с. 50].
- 16 Реципрокность представляет собой взаимообмен лично контактирующих субъектов, что в корне отличает ее от солидарности как принципиальной готовности помочь незнакомцу из соображений социального подobia.
- 17 Здесь и далее при анализе проблем предпринимательства использованы данные опроса, проведенного в декабре 1997 г. Центром политических технологий по заказу CIPE (рук. - В. Радаев). Было обработано 227 анкет и 96 интервью, полученных от предпринимателей. Подробная характеристика выборки приведена в [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Климова С.Г.* Идентификация и политический выбор // Поле мнений. Дайджест результатов исследований. Фонд "Общественное мнение". Вып. 3. Апрель 2000.
2. *Бауман З.* Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. См.: *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
4. См.: *Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. Серия "Монографии". № 8. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
5. *Хабермас Ю.* Этика дискурса: замечания к программе обоснования // Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с нем. СПб.: Наука, 2000.
6. См.: *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: причины развития в зеркале мирового опыта // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4.
7. *Boswell T.* A Split Labor Market Analysis of Discrimination against Chinese Immigrants, 1850-1882 // *American Sociological Review.* 1986. Volume 52.
8. См.: *Elias N., Scotson J.* The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems. London: SAGE, 1994.
9. См.: *Pones A., Sensenbrenner J.* Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // *American Journal of Sociology.* Vol. 98. Number 6 (May 1993).
10. См.: *Glazer N.* Ethnic Groups in America // *Freedom and Control in Modern Society.* Edited by M. Berger. New York: Van Nostrand, 1954.
11. См.: *Sowell T.* Ethnic America: A History. New York: Basic Books, 1981.
12. См.: *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. Edited and abridged by E. Zaretsky. Urbana: University of Illinois Press, 1984.
13. См.: *Филиппова Е.И.* Компактные поселения мигрантов в России: "за" и "против" // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Под ред. И. Бутенко. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.
14. См.: *Качкин А.* Этническая мобилизация и процесс регионализации: формы и механизмы // Мир России. 2000. № 4.
15. См.: *Барсукова С.Ю.* Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в зеркале идеологий // Политические исследования. 1999. № 5.
16. *Каспель М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1.
17. См.: *Радаев В.В.* Стратификационный анализ постсоветской России: неовебериянский подход // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Под ред. И. Бутенко. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.
18. См.: *Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.